

Цзинь-ван, поняв, что Шэнь Си вновь раскусил его намерения, невольно усмехнулся:

— Ну а что же, по-твоему, Няньцин, на уме у этого вана?

Шэнь Си прикусил губу и с искренней улыбкой ответил:

— Я человек простой, умом не блещу и вижу недалеко. Раз уж вы, ваша светлость, соизволили принять меня как приемного сына, то я с радостью стану избалованным знатным родственником. Разве плохо — каждый день пировать и сорить деньгами? Что же касается старого генерала Шэня... его характер суров, он скорее сломается, чем согнется. Если кто-то решит использовать меня как заложника, чтобы принудить его к чему-то или угрожать ему, он не только не подчинится, но без колебаний собственноручно снесет мне голову.

Цзинь-ван обдумывал скрытый смысл слов Шэнь Си и не удержался от громкого смеха:

— Няньцин, просто живи спокойно, оставаясь моим приемным сыном. А как именно я отплачу тебе за добро, ты со временем увидишь сам.

В этот момент вошел слуга с миской лечебной каши — густой, тщательно разваренной, с добавлением множества трав, согревающих и исцеляющих раны. Цзинь-ван было потянулся, чтобы покормить Шэнь Си, но тот внезапно вскочил, отчего резкое движение отозвалось болью в спине, и юноша судорожно втянул воздух.

Шипя от боли, Шэнь Си принял у него миску. Пока Цзинь-ван отвернулся, чтобы взять с подноса ложку, Шэнь Си запрокинул голову и залпом выпил кашу, после чего поднял пустую миску высоко над головой, демонстрируя её Цзинь-вану.

Тот замер на мгновение, прежде чем сообразил, что парень просто не наелся и ждет добавки. Но слуга, отвечавший за трапезу, решил, что у больного вряд ли хороший аппетит, и принес лишь одну порцию.

Заметив на подносе две маленькие тарелки с соленьями, Шэнь Си, не заботясь о правилах приличия, принялся хватать их прямо пальцами. Цзинь-ван не успел даже остановить его. Проглотив несколько кусочков, Шэнь Си кивнул:

— Вкусно, только немного солоновато. Ничего, запью чаем — и буду сыт.

Цзинь-ван не знал, смеяться ему или плакать:

— Няньцин, неужели ты думаешь, что в моем поместье настолько скудно, что я не могу прокормить тебя досыта?

Вэй Юй проснулся, когда уже давно рассвело. Он ошарашенно сел, озираясь по сторонам, и с удивлением обнаружил, что находится в своей спальне. После вчерашнего похмелья глаза его покраснели, голова раскалывалась, а зрение подернулось дымкой. Он смутно помнил, как пил с Шэнь Си в зале городской управы, как они болтали о всякой всячине — так легко и радостно

было на душе...

А что потом? Потом, должно быть, он напился и слуги принесли его в спальню. Давно он не позволял себе такой расслабленности. Кто, кроме Шэнь Си, мог видеть его таким?

За три месяца в Нинчэне он изведal не только голод и страх, но и горечь, разъедавшую душу. Как несправедлива судьба: наделила его способностями к управлению государством и военным искусством, но заточила в клетку, где их негде применить. Обладая высочайшей кровью Великого Чжоу, он, в отличие от тех, кто восседал на троне, был вынужден склонять голову и жить чужой милостью.

А всё началось с того, что он просто проезжал через Нинчэн, измученный дорогой. Стоило остановиться на два дня, как город окружили повстанцы — истинная беда, свалившаяся с неба, миг — и он на пороге смерти.

Каждый может умереть, но только не он. На его плечах лежит тяжелейшая ноша: месть за отца, очищение чести матери, жизни двух младших братьев и долгие годы тайных усилий сторонников свергнутого наследника.

На шестой год правления Тунлэ отца обвинили в десяти тяжких грехах — деспотизме, роскоши и сговоре — и лишили титула наследного принца. Его жену и детей разжаловали и заточили в столичном поместье. Не вынеся позора и мучений, отец покончил с собой. Чтобы спасти троих сыновей от верной гибели, мать согласилась стать наложницей Ци-вана, этого развратного чудовища, и тайно с ним сошлась.

Вэй Юй никогда не забудет, как в семь лет, подглядывая через щель в окне павильона, увидел мать и Ци-вана. Обнаженные, они катались по полу; мать плакала, улыбаясь при этом своему мучителю и мягко умоляя не причинять вреда её детям. Ци-ван, давая лживые обещания, лапал её своими тяжелыми руками, а затем, оскалившись, впился в её тело...

В тот миг Вэй Юй хотел убежать, но ноги не слушались. Позор, словно железный кол, пригвоздил его к месту. Будучи сыном, он должен был выхватить меч и разрубить Ци-вана пополам, но он понимал — сил у него недостаточно, и его схватят солдаты еще до того, как он доберется до двери.

Наконец он соскочил с перил и бежал, пока не упал без сил у озера. Укрывшись за искусственной скалой, он спрятал лицо в ладонях и беззвучно зарыдал. Порыв ветра раскачал ветви, и маленькое насекомое упало с листа на его одежду. Вэй Юй замороженно смотрел, как оно сжимается, выгибает спину, а затем тянется вперед — лишь так, медленно сокращаясь и вытягиваясь, оно могло ползти.

То насекомое называлось пяденицей. В Книге Перемен сказано: сжаться, чтобы выпрямиться; затаиться, как дракон или змея, чтобы выжить.

Сейчас он и есть та самая пяденица, спрятавшийся в норе дракон. Его время еще не пришло, но он знал: если набраться терпения, оно обязательно настанет. Он ждал: из ребенка превратился в юношу, а затем в кроткого молодого человека. Внешне он был сдержан и осторожен, но внутри него полыхало пламя императорских амбиций — огонь, который рано или поздно станет пожаром, охватывающим мир!

После того как Ци-ван взошел на трон, он предавался безудержному разврату и пьянству. Его здоровье таяло, и спустя всего семь лет он скончался. За два месяца до его смерти его собственный наследник погиб, упав с испугавшейся лошади во время охоты.

Трон достался второму принцу, Вэй Сяню, который прежде не был в фаворе. Младший брат Вэй Юя, Вэй Цянь, стал компаньоном маленького императора по учебе. Вэй Юй почувствовал, что стал на шаг ближе к цели.

В июне первого года правления Сюаньчжэн император вместе с Вэй Юем, Цзинь-ваном и другими отправился инкогнито на гору Ланьюэ навестить учителя Цзэн Цана. Старец был великим ученым, сведущим в астрономии, географии и военном деле. В свое время он был наставником наследного принца, но из-за неприязни к интригам ушел в отставку и основал академию на горе Ланьюэ. Поскольку первый император даровал ему дощечку с надписью В «выявление светлой добродетели», академию называли Миндэ.

Тогда маленький император был еще слаб и не имел верных людей. Он хотел приблизить Вэй Цяня, но не знал, что делать с его братом, а потому издал указ оставить Вэй Юя в академии, прикрывшись благовидным предлогом — служить наставнику от имени императора.

Он до сих пор помнил, как бамбуковые рощи у подножия горы Ланьюэ зеленели, а узкая глиняная тропа вела к академии. Маленький император предложил устроить скачки, и все бросились наперегонки. На полпути начался дождь. В одном из окон академии показалась черная головка: паренек, боясь, что книги намокнут, хотел опустить занавеску, но вид мчащихся всадников заставил его передумать. Он, словно обезьянка, выпрыгнул из окна, пробежал по черепице и уселся на стене, болтая ногами.

Когда Вэй Юй подъехал ближе, этот ловкий чертенок осклабился, обнажив белоснежные зубы: — Эй, ты в синем, неплохо скачешь!

По сей день, стоило Вэй Юю подумать о Шэнь Си, как в памяти всплывал этот живой и ловкий чернявый мальчишка.

Так началась их дружба. Годы в академии были самыми беззаботными в жизни Вэй Юя. Они с Шэнь Си сразу стали не разлей вода, названными братьями.

На склоне горы Ланьюэ стоял храм Сисинь, за ним — родник с таким же названием. Пройдя мимо него и водопада Юйпайчуань, можно было взобраться на вершину Хунъя. Там, среди вечных туманов, казалось, живут небожители. Вдалеке пастушок на спине быка играл на

бамбуковой флейте: Гора Ланьюэ, Юйпайчуань, пятьсот сажень до небес, на вершине Хунъя небожители, улетят с ветром в облака...

Там он рассказывал Шэнь Си о своей ненависти, делился крамольными мыслями и рыдал на его плече в годовщины смерти родителей. Там он поклялся, что через десять лет вернет себе страну, принадлежавшую отцу!

Беспечные дни закончились. На четвертый год правления Сюаньчжэн император отозвал Вэй Юя в столицу. Шэнь Си в это время навещал мать, и Вэй Юй, не дождавшись его, оставил письмо и поспешил в путь.

С тяжелым сердцем Вэй Юй сел на корабль в порту Цзиньчжоу. Вдруг он услышал, как кто-то зовет его по имени. Оглянувшись, он увидел Шэнь Си, который мчался вдоль берега на коне. Должно быть, прочитав записку, он скакал день и ночь, не жалея сил — одежда его была в беспорядке, волосы растрепаны, а конь покрыт грязью. Но корабль уже отчалил, и они так и не успели попрощаться.

В камышах завывал ветер, в лучах заката они отливали тусклым золотом. Шэнь Си стоял на берегу, улыбаясь, но улыбка эта была вымученной. Гостинец, который он просил мать приготовить специально для Вэй Юя, выпал из его рук, но он даже не поднял его. Друг уехал, и всё стало бессмысленным.

Корабль удалялся, и Вэй Юй видел, как фигурка юноши превратилась в крошечную черную точку, которая всё еще отчаянно махала ему вслед.

Сухость в горле прервала воспоминания Вэй Юя.

— Эй, кто-нибудь! — позвал он.

Слуга вошел и склонился:

— Что прикажете, ван?

Вэй Юй протянул руку:

— Чаю. — Сделав несколько глотков, он спросил: — Где остановился генерал Шэнь? Он уже проснулся?

Слуга опешил:

— Генерал Шэнь еще на рассвете уехал в Ичжоу. — Видя изумление хозяина, он добавил: — Есть еще странная новость. В полдень Цзинь-ван внезапно покинул город со всем своим отрядом, сославшись на внезапную болезнь после вчерашнего пира. В Нинчэне почти никого не осталось. Похоже, они двинулись не в Ляодун и не в Цзиньюань...

Не в Ляодун и не в Цзиньюань... Вэй Юй вспомнил многозначительные слова Цзинь-вана при встрече Шэнь Си и мгновенно протрезвел:

— Как давно они уехали?

— Около часа назад.

Вэй Юй, не раздумывая, приказал седлать коней и бросился вдогонку в сторону Ичжоу. Несколько всадников неслись по горной тропе. Впереди показался старый деревянный мост, и едва лошади ступили на него, настил рухнул в пропасть. К счастью, кони были вышколены: встав на дыбы, они отступили, и никто не пострадал.

Вэй Юй в ярости метался взад и вперед. Пути дальше не было, и он закричал в сторону Ичжоу:

— Няньцин! Няньцин!

Карета Цзинь-вана была роскошной: столик, кушетка, жаровня. После теплой каши Шэнь Си одолела дремота, он прислонился к мягкой подушке и провалился в сон. Дорога была неровной, карету трясло, и Шэнь Си спал беспокойно. Колесо наехало на камень — толчок отозвался болью в ране, юноша сжал зубы и пальцы, но не проснулся.

Цзинь-ван держал книгу, но взгляд его постоянно падал на кушетку. Гордые и сильные люди, проявляя слабость, всегда вызывают особую жалость. Ему казалось, что Шэнь Си легко задел какую-то струну в его душе, и эхо этого звука не утихало.

Сквозь сон Шэнь Си вдруг открыл глаза и, быстро вскочив, приоткрыл занавеску. Ему послышалось, как кто-то зовет его — это был голос Болина!

Вокруг кареты ехали стражники, следом тянулась свита Цзинь-вана, но знакомой фигуры нигде не было. Он высунулся почти наполовину, всматриваясь вдаль, но видел лишь горы и пыль.

Цзинь-ван удивленно спросил:

— Няньцин, что-то не так?

Шэнь Си спохватился и поспешил оправдаться:

— Весь день пролежал, кости затекли, решил размяться.

К сумеркам отряд остановился на ночлег. Не дожидаясь, пока карета остановится, Шэнь Си выпрыгнул наружу. Цзинь-ван не успел его остановить и, видя, что парень двигается легко, будто и не был ранен, лишь покачал головой и последовал за ним.

Шэнь Си нашел свою лошадь — вороную кобылу с белыми пятнами на ногах и лбу. Увидев хозяина, лошадь радостно забила копытами и зафыркала. Шэнь Си нежно погладил её по морде.

Цзинь-ван решил завязать разговор:

— Красивая лошадь. Как её зовут?

— Чжаньфэн, — ответил Шэнь Си, словно представлял старого друга.

Цзинь-ван внимательно осмотрел животное:

— Шерсть блестит, осанка грациозная, но телосложением мелковата. Кажется, еще не взрослая. Не чета настоящим скакунам.

Шэнь Си рассмеялся:

— Пусть она не элитный скакун, но во всем Цзиньюане вам не найти лошади лучше.

— О? — Цзинь-ван приподнял брови. — Няньцин, не слишком ли громко сказано? Знаешь ведь, хвастовство не доводит до добра.

Шэнь Си, подзадоренный этим, воскликнул:

— Давайте устроим скачки! Если выиграю я — ваша светлость лично украсите её лентами и проводите в Цзиньюань. А если выиграете вы... впрочем, вам не выиграть.

Цзинь-ван рассмеялся:

— Ха-ха-ха, ладно, Няньцин, ты ранен, успеем еще посоревноваться.

— Пустяковая рана, — Шэнь Си беззаботно вскочил в седло и бросил на Цзинь-вана вызывающий взгляд. — Или ваша светлость боится проиграть?

Не дожидаясь ответа, он рванул вперед, как черная стрела, подняв облако пыли. Цзинь-вану ничего не оставалось, как пришпорить коня, а стража, застигнутая врасплох, в панике бросилась в погоню.

Цзинь-ван мчался во весь опор, наблюдая, как юноша, привстав на стремянах, слился со своей лошадью в единое целое. Всякий раз, когда казалось, что он вот-вот настигнет его, Шэнь Си оборачивался, хитро улыбался и прибавлял ходу, вновь отрываясь далеко вперед.

Ветер свистел в ушах, деревья мелькали перед глазами. В груди Цзинь-вана что-то закипело. Он словно вернулся на десяток лет назад: молодой, полный сил, перед глазами — бескрайнее поле битвы, зарево пожаров, блеск мечей... Когда-то и он, подобно юному Шэнь Си, считал сражения лишь захватывающей игрой.

Увы, годы берут свое, виски поседали. С какого-то момента он стал бояться смерти, не желая больше видеть кровавых распрей. Может, он и правда постарел? Если не телом, то душой. Он невольно мечтал: если скакать так бесконечно, можно ли догнать ушедшую молодость?

Сгущались сумерки, горы окутал туман. Тонкий серп луны бесшумно завис над вершинами. В округе стояла тишина, лишь тяжелое дыхание лошадей и его собственное. Все посторонние

мысли — распри, интриги, кровь — исчезли. Перед глазами был только удаляющийся всадник, а в сердце — одно-единственное стремление: догнать его.

Ночь накрыла землю чернотой. Шэнь Си, не оглядываясь, устремился в туман и вскоре исчез из виду. Осталось лишь эхо копыт.

Впереди дорога оборвалась, путь преградили скалы, в расселинах которых завывал ветер. Цзинь-вана охватила тревога: а вдруг Шэнь Си вот так просто исчезнет?

— Няньцин? — позвал он.

Вместо ответа лошадь Шэнь Си громко заржала.

Вглядевшись в темноту, он увидел, что конь пасет траву на склоне, а Шэнь Си стоит на самой вершине, глядя вниз.

— Похоже, ваша светлость должны смиренно приветствовать Чжаньфэн при входе в Цзиньюань, — звонко крикнул он.

Ветер трепал его волосы и полы халата. Его лицо было обращено куда-то в сторону, взгляд был полон мечтательности.

Цзинь-ван спешился и, отмахнувшись от слуг, нетвердым шагом направился к нему. Когда он наконец поднялся на вершину и встал плечом к плечу с Шэнь Си, его сердце вдруг обрело покой. По ту сторону склона расстиралось глубокое озеро. Яркая луна отражалась в нем, словно серебряная фольга, а вдали небо сливалось с водой, и уже невозможно было разобрать, где кончается осень и начинается вечность...

<http://bllate.org/book/21936/2279016>